© ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819–3625 №15(2), 2010

Сергей Любимов

Urban studies и проблема инноваций

Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку (2009). Под общей редакцией Й.Терборна. Минск: Издательский Центр БГУ, 270 с.: ил.

Рецензируемую книгу следует рассматривать как проявление относительно новой тенденции в академической среде, суть которой заключается в том, что феномены города и городского развития становятся всё более популярным предметом за пределами традиционных исследований городской материи в русле градостроительства, архитектурных подходов и стилей, археологических слоев города и т. д.

Эта тенденция последних тридцати лет часто обозначается как «пространственный поворот» или «возвращение пространственного воображения» в социальных и гуманитарных науках. Предпосылки, потенциал и уже существующие эффекты этой тенденции были тщательно «заземлены», исторически и доступно разъяснены еще в конце 1980-х гг. в классической книге географа и градостроителя Эдварда Соджи (Soja, 1989).

Если попробовать обобщить суть нового дисциплинарного расклада в нескольких предложениях, следует сказать о трех фундаментальных новациях. Во-первых, участие представителей различных гуманитарных дисциплин в дебатах о функционировании городских систем в значительной степени ослабляет автономию понятий «город» и «пространство» в аналитических схемах и теоретических моделях. Во-вторых, ослабление автономии означает, что пространство (в том числе городское) – это не эффект, не отражение и не контейнер для социального процесса, а один из аспектов этого процесса. В таком случае междисциплинарность необходима для максимально многосторонней оценки роли произведенной среды (built environment) в общем процессе социальных изменений. Наконец, в-третьих, увеличившаяся чувствительность к городу как способу социально-пространственной организации и рост исследований в данной области требуют более обоснованных ответов на вопрос, что такое город по отношению к не-городу.

В классических исследованиях, так или иначе институционально и идеологически помещенных в горизонт модернизации, город противопоставлялся деревне и, таким образом, конструировался в качестве относительно дискретной стадии

развития, воплощенной в пространстве. В новой системе знания город рассматривается в контексте меняющихся отношений с другими способами организации пространства: регион, местность, национальное государство, район внутри города, территориальный блок, мировая система и т. д.

Это несколько растянутое введение необходимо, чтобы понять, в каком ключе я предлагаю рассмотреть книгу «Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку». С изданием сложно дискутировать и его значимость сложно оценивать с перспективы какой-то одной дисциплины. Сами авторы пишут, что исследование подготовлено «*на стыке наук: социологии, политологии, урбанистики, частично архитектуры и психологии*» (с. 4), хотя было бы логичным добавить сюда еще историю (Titarenko: 43–67; Широканова: 67–100) и культурные исследования (Жилинскайте: 207–217).

При знакомстве с рецензируемой книгой возникает именно вопрос о новшествах и легитимности междисциплинарных городских исследований (urban studies). Если первая часть издания предлагает относительно целостные схемы и установки, то следующие три части состоят из разрозненного материала, редко следующего обозначенным в первой части теоретическим установкам и даже не всегда обосновывающего постулируемые там выводы исследований (в случае данной книги сложно говорить об исследовании в единственном числе).

Издание задается вопросом о политической роли столиц постсоветских государств (с. 7), а в качестве предмета исследования формулируется специфика преобразования «прошлого политического пространства» этих городов (с. 6). При этом в издании отсутствует внятное определение политического пространства (по отношению к другим типам пространства), а также категориальное объяснение того, чем столичные города качественно отличаются от других населенных пунктов. Оба термина используются скорее описательно и недисциплинированно, что делает невозможной их операционализацию. В результате использование понятий часто остается на уровне некритического знания в духе высказываний: «*Столица является политическим символом нации и "культурным лицом" своего общества*» (с. 25).

И далее: «*Столичный город – это всегда так или иначе осуществляемая манифестация политической власти. Находясь на пересечении культуры и власти, символического и реалистического в социальной жизни, вбирая элементы сакральной и урбанистической архитектуры, столица создает, выражает и поддерживает даже не столько силу или власть, сколько коллективную идентичность, возникающую под воздействием этой силы и власти, воплощенных в городе. Столица формирует и демонстрирует определенным образом упорядоченную национальную идентичность, которая представляет собой идентификацию жителей города со своей столицей,*

воспринимаемой как яркое символическое воплощение национального самосознания, национальной гордости народа» (с. 34).

Этот фрагмент показывает, что у авторов книги есть определенные трудности с отделением и координацией терминов «политическое», «государственное» и «национальное». И эти трудности усугубляются необходимостью следующего шага – координации указанных понятий с категорией «пространство». В этом смысле книга сильно теряет от игнорирования результатов предыдущих исследований особенностей столичных городов (по отношению к нестоличным). Упускается из виду разнообразие столиц, которые сильно отличаются по характеру организации власти, роли в национальном строительстве и т. д. Обозначенную в книге схожесть значения столиц можно поставить под сомнение примерами сегодняшних Берлина (по отношению к Мюнхену и Франкфурту), Варшавы (по отношению к Кракову) и Рима (по отношению к Милану). Эти города представляют собой разные модусы «столичности», которые выявляются именно в результате их сопоставления.

С той же степенью описательности и нечувствительности к значимым отличиям авторы книги работают с проблемой политической власти. Вопрос о специфике политического устройства трех государств по сути не поднимается, книга просто предполагает, что в 1990–1991 гг. в анализируемых странах власть поменялась. Главным концептуальным источником сопоставления советского и постсоветского пространства является идея о десинхронизации относительно гомогенного советского пространства после распада СССР (с. 4–5), со ссылкой на статью Н. Милерюса из сборника «P.S. ландшафты: Оптики городских исследований» (Милерюс, 2008).

Корни этих недостатков можно найти в статье, написанной координатором исследований Йораном Терборном и представляющей концепцию книги в наиболее абстрактном виде. Терборн обосновывает необходимость изучения столичных городов как особого типа, ссылаясь на исследования глобальных метрополий (проведенные Фридманом, Сассен и Тэйлором),[1] т. е. на исследовательскую перспективу городской политической экономии. При этом авторы книги, во всяком случае в лице самого Терборна, обосновывают собственный исследовательский проект путем критики подхода городской политической экономии по двум основным причинам. Во-первых, такой подход сосредоточен исключительно на экономических (здесь нужно добавить – и инфраструктурных) факторах. Во-вторых, он искажает отношение город / государство, недооценивая последнее в своих объяснительных моделях (с. 16). Что касается второго пункта, следует отметить, что Терборн ссылается главным образом на ранние работы по теме соотношения города и государства как двух разных форм соци-

[1] А именно: Friedmann, 1986; Friedmann, 1995; Sassen, 1991; Taylor, 2004.

альной организации, не затрагивая более поздние и сложные исследования (например: Brenner, 2004; Sassen, 2007; Scott, 2005).

Первый пункт критики кажется более важным, но и более проблематичным. Терборн говорит о «значимой построенной среде» или «поддающейся интерпретации построенной среде» (meaningful built environment) как базовом предмете городских исследований (с. 17), что довольно прямолинейно отсылает к веберианству, минуя промежуточные дискуссии и аргументы, которые сделали городские исследования междисциплинарным направлением. Предложенный подход предполагает значительную автономию культуры (здесь: символов и значений) в объяснительных моделях общественных изменений и, таким образом, проигрывает современным городским исследованиям в чувствительности к пространственным конфигурациям, где речь идет не только о кодировании и раскодировании, но и о производстве и использовании пространства.

Характерно, что по определению Терборна, «*город – это созданная среда определенного размера и плотности, с границами, которые не должны нас беспокоить*» (с. 17). Сам факт отсутствия вопроса о том, где заканчивается город и начинаются другие формы социально-пространственной организации (регион, деревня, городской район, национальное государство и т.д.), и чем они отличаются, еще раз говорит о слишком механической интерпретации пространства. Работая с понятием города таким, а не иным образом, Терборн показывает, что пространственные структуры имеют социальный смысл и несут в себе политические символы. Но при этом он не рассматривает, чем исследования столиц будут отличаться от исследований нестоличных городов, слабо урбанизированных локусов или целых территорий национальных государств, чья построенная среда (built environment) также имеет социальное значение и включена в символический порядок политики.

Существует и еще более проблематичный момент, касающийся обоснования исследовательского проекта в целом. Городские исследования представляются как противопоставления города в качестве местоположения (locus) и фокуса (focus) изучения (с. 14). Терборн считает это разделение непреодолимым, хотя суть современных городских исследований задается как раз необходимостью снятия такой оппозиции, которая серьезно обсуждалась еще тридцать лет назад в книге другого шведа, антрополога Ульфа Ханнерца (Hannerz, 1980).[2]

Терборн пишет, что книга «Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку» ориентирована на рассмотрение города именно как фокуса, буквально – на рассмотрение «*городов как таковых… как специфических*

[2] Здесь также следует отметить, что обсуждение Терборном этой оппозиции в качестве ключевой для проекта в целом при отсутствии ссылки на книгу Ханнерца вызывает определенные вопросы.

объектов исследования» («cities as cities... as specific objects of research») (с. 15). С одной стороны следует отметить недостаточную точность и аналитичность этого определения. С другой необходимо говорить, что исследования, представленные в трех разделах книги, лишь частично следуют установке Терборна. Так, Олег Кобяк и Анатолий Рубанов (с. 118–127), а также Лебедева (с. 127–139) конструируют город именно как местоположение (locus) исследований.

В качестве примера удачной попытки работы с проблемой города в обеих перспективах следует отметить статью Анны Широкановой (с. 67–100), которая – в определенной степени наряду со статьей Жилинскайте (с. 207–217) – представляется практически единственной в издании легитимной попыткой работать с вопросами городской динамики в инновационной междисциплинарной перспективе.

Статьи можно достаточно четко разделить на группы. Во-первых это компиляции уже существующего материала по теме с минимальными обобщениями (Titarenko: 43–67; Восилюте: 153–182). Последняя статья еще и очень неэкономно использует пространство для аргументации: приводимые в тексте разрозненные данные репрезентируют факты различных порядков, не связанные единой линией рассуждения. Что, например, по замыслу автора в статье о Вильнюсе репрезентируют результаты опроса молодежи Висагинаса[3] об их собственном городе? Нельзя не отметить тот факт, что заявленное во введении следование подходам Анри Лефевра и Дорин Мэссей остается абсолютно декларативным: статья не интерпретирует развитие Вильнюса в контексте социальных изменений. Эти изменения берутся в качестве рамки по умолчанию, в которую лишь вставляются «сюжеты-открытки» из жизни города. Иногда произвольность и механистичность встраивания исторических примеров в готовые теоретические схемы переходят все границы. К примеру, в англоязычном резюме статьи Восилюте есть пассаж: «*The author describes the situation in 1610, when 4700 houses and 10 churches were burned out. This phenomenon demonstrated that medieval Vilnius represented a model of risk society. According to A. Giddens, the climate of risk and stability can often change, although the current population of modern societies are more secure than earlier. This concept relates to Vilnius*» (с. 218).[4]

Вторая группа статей представляет собой исследования с интересными выводами, но лишь косвенно затрагивающие проблему специфики города и городской среды (Лебедева:

[3] Город в северо-восточной части Литвы – *прим. ред.*

[4] Перевод: «Автор описывает ситуацию 1610 г., когда 4700 домов и 10 церквей сгорели дотла. Этот феномен демонстрирует, что средневековый Вильнюс представлял собой модель общества риска. Согласно Э. Гидденсу атмосфера риска и стабильности может часто меняться, хотя население современных обществ лучше защищено, по сравнению с более ранним обществом. Это понятие относится к Вильнюсу».

127–139; Кобяк, Рубанов: 118–127). Например, Лебедева фиксирует и пытается объяснить отход от «дефицитного сознания» в практиках потребления жителей Минска (Лебедева: 127–139). Надо сказать, что таким статьям не хватает компаративной (Лебедева; Кобяк, Рубанов) либо исторической (Кобяк, Рубанов) перспективы как основы для интерпретации полученных данных, что приводит к не совсем четким линиям аргументации. Так, Лебедева, выстраивающая свое исследование вокруг оппозиции материальные/постматериальные установки потребителей, пишет: «*…Молодые минчане, как правило, в большей степени, чем пожилые, акцентируют постматериальные идеи и ценности*» (с. 131). При этом в англоязычном резюме указывается: «*For example, the younger generation of Belarusians supports materialistic value orientations that differ from the patterns in Western European states*» (с. 151)[5] – хотя это вообще не обсуждается в статье.

Третья группа статей – это более (Grishchenko: 100–118) или менее (Каспаравичене: 192–207) удачные описания отношения к своему городу жителей Минска и Вильнюса. К сожалению, обе статьи сложно детально рецензировать из-за отсутствия методологии исследования, а также генерируемых или операционализируемых концептов.

Статьи Рубанова (с. 139–149), Абдуллаева (с. 222–240), Фарадова и Парфеновой (с. 244–256) сложно назвать академическими. Рубанов просто конспектирует основные положения генерального плана и установки стратегического развития Минска, что без компаративной перспективы и пояснений вообще не имеет смысла. Эта статья, а также статья Абдуллаева (обзор истории Баку, напоминающий по содержанию туристический буклет) провоцируют вопрос о целевой аудитории сборника. В последнем случае следует также отметить неэкономное использование текста: шесть страниц из семнадцати представляют собой цитирование выступлений строителей, академиков, бюрократов и политиков на круглом столе, посвященном проблемам градостроительства в Баку. Более того, часть высказываний этого круглого стола присутствует еще и в статье Фарадова и Парфеновой.

Уже упомянутая статья Широкановой (с. 67–100) говорит о централизации и постоянном перестраивании Минска как о ключевых особенностях белорусской столицы, где «*происходит в гегелевском смысле "снятие" культурной специфики в пользу формального (но не нейтрального) языка городского пространства*» (с. 75). В статье много внимания уделяется топонимике как самому очевидному способу встраивания городского пространства в более широкий символический порядок. Тем не менее, большинство выводов

[5] Перевод: «Например, молодое поколение белорусов поддерживает материалистические ценностные ориентации, отличающиеся от моделей в западноевропейских государствах».

работы можно получить, рассмотрев политику памяти белорусских властей и не фокусируясь на феномене города как таковом.

Не совсем понятен аргумент автора об относительно сильном культурном влиянии Минска на население страны без анализа фактов этого влияния вне столицы. Потенциал для развития подобного тезиса можно найти в сопоставлении Минска и других белорусских городов. Сегодня белорусская модель использования пространства и работы местных властей предполагает большую степень подобия национального и городского уровня принятия решений. В результате столица отличается от других белорусских городов скорее количественно, чем качественно.

Наконец, в большей степени описательные статьи Жилинскайте (с. 207–217) и Сайфутдиновой (с. 256–266), соответственно общей идее сборника, обсуждают тенденции насыщения построенной среды Вильнюса и Баку культурными значениями и позволяют узнать об этих городах что-то новое.

Подводя итоги, авторы пишут, что анализ пространств Минска, Вильнюса и Баку позволяет реконструировать три стратегии «*преобразования столичного городского пространства*» (с. 26). В случае Баку – это «стратегия построения глобального города» (с. 26), в случае Вильнюса – «европейская стратегия» (с. 28), а в случае Минска – сочетание риторики советского героического прошлого времен Второй мировой войны и независимого настоящего белорусской нации (с. 37). Можно утверждать, что лишь формулировка минской модели является здесь достаточно концептуальной, и для ее генерирования необходимы специальные исследовательские усилия. Более того, сам процесс генерирования можно наблюдать исключительно во второй (самой сильной из трех) части, посвященной именно Минску.

Вывод касательно Вильнюса (в таком виде, в каком он представлен в книге) не требует работы трех исследователей. А на каких основаниях авторы причисляют Баку к глобальному городу – к тому же не обсуждая исследования глобальных городов и не (ре)конструируя дефиниций, – вообще остается непонятным. Стратегия построения глобального города наивно объясняется как попытка «*создать (или поддержать и укрепить) современный образ города, ничем не уступающего другим "глобальным городам". Строятся здания и монументы, которые можно считать новыми символами таких городов: здания банков становятся выше кафедральных соборов, новая инфраструктура и пространство офисов в центре города занимают самые выгодные позиции, гостиницы и супермаркеты имеют широко известные названия и не отличаются по уровню сервиса и ассортимента от аналогичных "городов мира" в Европе, Азии, Америке*» (с. 26).

Характерно, что в этом фрагменте (так же, как и в статьях о Баку) вообще не приводится данных о количестве рабочих мест, созданных при участии международного капитала, о числе посещающих город туристов и значимости финансового секто-

ра, и даже ни разу не употребляется слово «аэропорт». А сравнение Баку с Астаной (а почему-то не с Вильнюсом) на основании того, что там тоже, по утверждению авторов, «*бизнес функционирует как наднациональный субъект власти*» (с. 26), еще больше запутывает ситуацию. При этом интересный и значимый факт, что сегодня Баку развивается без генерального плана, недостаточно пристально и критически проанализирован в перспективе концепции книги в целом. Данный факт остается социальной и политической, но не исследовательской проблемой. Здесь многообещающей была бы попытка ответить на вопрос о том, каким образом специфика Баку и его репрезентации как столицы государства (т. е. скорее как фокуса исследований) соотносится со спецификой землепользования в городе (скорее как в местоположении исследований), задаваемой в том числе и международными игроками. И как это влияет и трансформирует его столичный статус. Или на вопрос о том, какие акторы и инструменты (в отсутствие генерального плана) удерживают город в колее символической репрезентации своего национального государства.

В целом заявленному стремлению сравнить три столицы не хватает ни концептуальной призмы, ни актуальных усилий. Во многом эта проблема возникает из-за недостаточной плотности концептуализаций городской среды, что не позволяет говорить о целостной интерпретационной схеме авторов. Также в книге редко обсуждаются индикаторы, которые позволяют фиксировать, каким образом символические ансамбли, находимые авторами в городском ландшафте, влияют на поведение и установки людей, хотя это влияние постоянно предполагается и постулируется. В большинстве случаев статьи слишком энциклопедичны.

На основании сказанного книгу можно считать попыткой интенсифицировать интерес к городу как предмету исследований. Но ее также можно отнести к ряду проектов, частично дискредитирующих городские исследования как поле сложного междисциплинарного баланса. В любом случае ее трудно назвать цельным и инновационным продуктом в области urban studies.

Литература, которая упоминается в рецензии

1. Brenner, N. (2004). *New State Spaces. Urban Governance and the Rescaling of Statehood*. UK: Oxford University Press.
2. Friedmann, J. (1986). «The World City Hypothesis», *Development and Change*, 17-1: 317–331.
3. Friedmann, J. (1995). «Where we Stand : a Decade of World City Research», in P. Knox and P. Taylor (eds), *World City in a World-System*. Cambridge.
4. Hannerz, U. (1980). *Exploring the City. Inquiries Toward an Urban Anthropology*. NY: Columbia University Press.
5. Sassen, S. (1991) *The Global City*. Princeton
6. Sassen, S. (2007) *A Sociology of Globalization*. New York: W.W. Norton & Company.
7. Scott, A.J. (2005). *Regions and the World Economy. The Coming Shape of Global Production, Competition and Political Order*. Oxford University Press.
8. Soja, E. (1989). *Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London: Verso.
9. Taylor, P. (2004). *World City Network*. London.
10. Милерюс, Н. (2008) «Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах», в *P.S. ландшафты: оптики городских исследований*. Вильнюс: ЕГУ, 37–62.